

Ольга Колодзейская

Крематорий
«Солнышко»

ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО САНАТОРИЯ

Ольга Колодзейская

**Крематорий «Солнышко».
Тайны закрытого санатория**

«Издательские решения»

Колодзейская О.

Крематорий «Солнышко». Тайны закрытого санатория /
О. Колодзейская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500046-0

Девочка из неблагополучной семьи проходит длительное лечение в Крыму, в санатории, который принадлежит Министерству Обороны. Со стороны всё гладко и хорошо — военные врачи, инфраструктура и хорошие условия, в том числе для сотрудников. Потерять такую работу нельзя, а потому всё, что происходит в учреждении в действительности, тщательно скрыто.

ISBN 978-5-00-500046-0

© Колодзейская О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Крематорий «Солнышко» Тайны закрытого санатория

Ольга Колодзейская

© Ольга Колодзейская, 2019

ISBN 978-5-0050-0046-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я не люблю своих родителей. «Как такое может быть?» – спросите вы. Может. На все свои причины и вот вам мои. Конечно, я расскажу вам все подробно, но прежде позвольте добавить, что по причине этой самой нелюбви я редко называла родителей «мама» и «папа», каждый раз радовалась и хвалила себя за находчивость, когда этих слов мне удавалось избежать, поэтому обозначим условно моих родителей аморфными словами «он» и «она». Итак.

Он. Пятидесятые годы двадцатого века. Глухая деревня в Западной Украине. Ликование Великой Победы уступило место ежедневной работе и все мысли крестьянские занимает проблема прокормить семью. Образование для сельчан не в почете и единственной целью становится вырастить шестерых детей. Крестьянский труд сил не оставляет и методом воспитания является порка за любые провинности, часто за пару-тройку яблок из соседского сада. В качестве отступления скажу любителям Советского Союза, что кроме вожделенной дешевой колбасы, что давно является символом ностальгии, в этой стране было немало проблем, которые забываются при упоминании сытой жизни, хотя, как видите, не для всех и не везде она была таковой. Единственной перспективой для деревенского паренька была возможность выучиться на тракториста, да и жизнь ему светила без радостных перспектив – работа в поле до беспамятства и законный брак с какой-нибудь Глашей и её вечной спутницей – сковородкой, которая, по мнению русских, есть лекарство от всех болезней. Незадолго до восемнадцатилетия его Глаша была найдена и наречена невестой, что не оставляло ни малейшего выбора и жизнь его могла сложиться вполне традиционно, но что-то внутри подсказывало бежать от перспективы вести существование быка на веревочке под руководством безграмотной пастушки.

Побег удался и он остался на службе в армии, к счастью его, на полном гособеспечении. Вторым же счастьем была возможность уехать из родного села подальше, после чего он стал называться неблагодарным сыном, но ему уже было все равно. В Молдавии, где ему довелось служить, началась самостоятельная взрослая жизнь без контроля матери и розог отца. Справедливо вспомнить выражение об осинках и апельсинках – он стал пить. Нет, не то, чтобы уходить в запой, он молод и здоров, но сослуживцы начали сторониться его, кто-то недолюбливал, другие побаивались.

Начало семидесятых – золотое время. Он живет на собственную зарплату, образования нет, да оно и не нужно, в армии в нем нет проку. Он – толковый самоучка. Продовольственный рай давал ему все, даже те продукты, о существовании которых он и не догадывался. В общем, из голодного, побитого и тощего щенка он превратился в крепкого крупного пса, беспородного, но сносно- милого.

Она. Те же пятидесятые. Центральная Россия. Мама – маленькая хрупкая учительница русского языка, потомственная интеллигенция. Папа – доцент, кандидат экономических наук, преподаватель нескольких институтов. Старшие брат и сестра уже взрослые, они почти не видятся, а она – мамина игрушка, рожденная в тридцать восемь и папина гордость, избалованная заморскими сувенирами и сладостями. Переезд в солнечную Молдавию к новому месту работы папы. Большой дом и сад, куда подружки приходили играть. Чудесное мамино варенье и незабываемые вечера в большой домашней библиотеке. Она – одна из первых в Советском Союзе стала счастливой обладательницей джинсов, платья появлялись будто сами собой из под руки личной портнихи. Ей можно все, запретов нет и учеба, кажется, не для нее. После школы бабушка-актриса тайком готовила внучку в театральный ВУЗ. Показать было что. Она, зеленоглазая с мраморно-белой кожей и смоляными волосами, хотела покорить Москву, но планы были раскрыты и папина мягкость перешла в непоколебимую строгость. Его твердое «нет»

прозвучало хуже смертельного приговора. Два года в швейном училище и работа на фабрике. Она все еще живет дома, но, наконец в её руках деньги и она сама себе хозяйка.

Не стану долго описывать их знакомство, романтики в этом мало, если не сказать, что её не было вовсе, скорее страсть и инстинкты. Стоит упомянуть, что к моменту встречи каждый из них, обладая некоторой свободой, мог вполне сойти за взрослого человека. Наверно им казалось, что свободы у них стало больше и они забыли обо всем, включая свои обязательства, проводили время в кино, парке, гуляли, в общем нетрудно нарисовать картину с двумя великовозрастными неумехами, оторвавшимися от реальности.

Конечно, дома её ждал жёсткий разговор о свадьбе, потому что внебрачный ребенок – верх её капризов и это совершенно неприемлемо для её отца, рисковавшего всем. От вида будущего зятя родителей завело в транс, который не обрушился как снег на голову, но открывал все новые подробности. Зять без образования и хуже, без малейшего желания его получить, был шоком для её родителей с тремя дипломами на двоих. Его бегство из дома и обстоятельства жизни в семье достойны романов Диккенса и самое удивительное – будущий, точнее, вынуждено-будущий зять не имел ничего ровным счетом, начиная от носок и белья и заканчивая верхней одеждой – все это числилось за ним в единственном экземпляре.

Самые шокирующие события развивались после свадьбы, когда молодые, занимая самую большую комнату в родительском доме, скандалили до утра, оскорбляя друг друга и обвиняя во всём. Родители приняли решение забрать к себе новорожденную внучку, потому как ни разговоры, ни увещевания, ни попытки пристыдить зятя или напомнить дочери о её происхождении не имели никаких результатов. Девочка быстро лишилась грудного молока и её производители стали вести прежнюю беззаботную жизнь. Они оставались ночевать у знакомых или в чьём-то доме, где шёл ремонт, они не спешили домой и тратили деньги на свое усмотрение. Лишь изредка, красиво одетые, они решались на совместную прогулку с маленькой дочерью, составляя для окружающих идиллическую картинку заботливых молодых родителей. Бабушка с дедушкой молились и надеялись, что первое время все ещё идёт процесс узнавания и принятия супругами друг друга и, надеясь на благополучный исход этого затянувшегося процесса, оставляли их одних, уезжая на лето к друзьям с маленькой внучкой. Что-то было не так и процесс этот развивался совсем в другом направлении. Разбитые чайные сервизы, поломанная мебель и неестественно толстый слой театрального грима на лице молодой хозяйки свидетельствовали обо всем весьма недвусмысленно. Молодой хозяин целый день молча работал в саду и это признание собственной вины уже входило в привычку: к вечеру его супруга нехитрый ужин и не напоминала мужу ни о чём. Они старались не ссориться при стариках, но сдержаться удавалось редко. Следующий день проходил в заботах о доме. Пёс-самоучка молча и с усердием приводил в порядок дом после погрома.

Очередным событием, приведшем родителей в настоящий шок, была новость о второй беременности. Мама закрыла глаза и зажмурилась, не желая думать о том, что может случиться с ребенком, ведь дочь две недели до этого провела в больнице после побоев.

Не стану перечислять факторы в пользу состоявшегося моего рождения, их было не много, в сравнении с теми, что были против. Скажу лишь, что количеству записей моей медицинской карты мог бы позавидовать писатель, жаждущий затмить светил русской литературы.

ГЛАВА 1 ПАЛАЧ

Я помню себя с раннего детства. Все события оставались в памяти с сопровождающими их звуками и запахами, ничего не оставалось незамеченным. И стоило какому-то даже самому незначительному, как сказали бы взрослые, косвенному воспоминанию, появиться передо мной, настроение портилось, потому что я точно знала, что грядет оно – это нехорошее и оно, неизбежно приближаясь, заставляло смириться с происходящим. Чувство абсолютной беспомощности накрывало и не хотелось жить. Точно так же приходило мнимо-хорошее. Мимо пролетало что-то, легкое и невесомое, невидимое и, для большинства людей совсем незначительное, но для меня это что-то было предвестником счастья, долгожданного и сказочного события. Со временем я научилась различать и безошибочно угадывала, что меня ждёт, но были моменты, которые совершенно запутывали. Жизнь представлялась доброй помощницей, держа в ладони подарок, протягивала мне. Красивая упаковка, яркая коробочка, в голове вспыхивает неисчислимое количество идей и вопросов «Что это?», «Какое?», «Для меня?» Я привыкаю к мысли, что этот подарок мне, я принимаю. Ленточки ещё не развязаны и блестящая обёртка ещё не сброшена, но я уже знаю, как использовать коробочку, что в ней сохраню. Я спокойна, на душе легко, лишь сладостное ожидание заставляет меня сжиматься и я замираю. Открыла. Что? Ожидание срывается и падает, все летит вниз, в самую бездну. Там, в коробке – мой самый страшный кошмар, сон, от которого просыпаюсь с криком, ужас, от которого цепенеет сердце, переставая стучать.

Санаторий открыл большую кованую калитку и мы оказались в сказочном зеленом пространстве. Сквозь листву проглядывали крыши корпусов, мы шли по зелёным аллеям и аккуратным тропинкам. Аромат цветов кружил голову. Обласканные лучами солнца поляны завистливо открывали полукруглые беседки. Зелень показывала разнообразие видов, запахов и оттенков, демонстрация работ талантливого садовника, нашедшего свое призвание, а оттого, должно быть счастливого, не давала оторваться от всего изумрудного великолепия, что нежно окутывало прохладой. Парк казался бесконечным, а вершины деревьев закрывали небо. Центральная аллея вела прямо и, за рядами розовых кустов, поблёскивали, игриво переливаясь, пенные барашки морских волн. Вот оно, море. Запах стал нежным и спокойным, ушла смолистая хвойная терпкость. Длинные корпуса наклонились, окуная передние сваи в море. Открытые веранды плотно занавешены и было слышно, как иногда ветер треплет ткань, проходит легко и быстро, заставляя парусину хлопать и вздрагивать, отчего летний корпус, опустившись в море, был похож на корабль, расправляющий паруса перед дальним плаванием.

Огромная палата казалась ещё больше когда раздвигали шторы. Четыре больших окна зияли за головами детей, словно хотели предупредить о какой-то неизбежности. Я лежу под одеялом, вытянувшись в струнку и прикладываю всю свою детскую волю, чтобы не открывать глаза. Воспитатель восседает на высоком стуле в центре и скрип возвещает о том, что за нами следят. Голос льётся медленно и монотонно, слова сливаются в сплошной гул, отчего смысл сказки совершенно теряется. Короткая стрижка, неженские крупные плечи, черные глаза из под нависшей жёсткой чёлки. Тонкие губы равномерно шевелятся и усы над верхней губой нервно подрагивают. Скрип. Чтение прервалось. Детское хныкание.

– Я кому сказала, – голос Палача звучит низко и угрожающе.

– Полина Ивановна, можно выйти...

Голос храбреца, глас вопиющего в пустыне.

– Лечь!

Пауза. Скрип. Монотонное чтение вязко протекает по палате мимо двадцати пяти кроватей. Кряхтение.

– Хватит!

Чёткими отработанными движениями Палач оставляет книгу на тумбочке. Глаза мои открываются. У воспитателя в руках мокрое полотенце. Один жест и глаза мальчишки накрывает липкая ткань и слышится хруст, что скрепляется узлом на спинке кровати. Тишина. На каждую кровать навязан грубый прикроватный мешок с таким же длинным белым полотенцем.

ГЛАВА 2 ВЕДЬМА

Я медленно вошла в здание. Летний корпус встретил меня хлопающими парусами выцветшей пыльной ткани, готовой вот-вот сорваться с балкона, при каждом порыве ветра слышался скрип: это стонали и рвали полотно плотные белые шлейки, что несколькими узлами затягивали ткань на металлических решетках балкона. Весь коридор, длинный и пустой, пропах хлоркой настолько, что глаза заслезились. Воспитатель взяла меня за руку. У всего на свете есть запах, но от белого халата воспитателя не пахло ничем. Пустота. Ничего. Как будто это не человек совсем: ни навязчивого запаха лекарств, ни удушающе-сладкого запаха шоколада, ни парфюма – ничего. Голос ровный и безжизненный. Палата. Около двадцати огромных железных кроватей на скрипучих колесиках, накрытых белыми покрывалами. Мы стоим посередине и спасительная мысль о том, что она сейчас передумает и я уйду, тает всё быстрее.

– Где ты хочешь спать?

Воспитатель подводит меня к кровати у окна. «Я не хочу»

– Я не хочу, голос мой скрипит и слабеет. Все быстрее, словно на карусели, в голове проносится круговорот мыслей о домашней жизни: бабушка с пирогами, чтение в саду под вишней, любимая кошка – свобода. В этот миг улетает все плохое, прячется, как будто оно, плохое, закрыто в чулане. Меня оторвали от дома, забрали самое дорогое, лишили всего, что люблю. Тело напряглось и стало деревянным. Меня усадили не кровать и, не говоря ничего, стали раздевать. Подоспевшая лысая нянька в серой косынке и хлорном мятом халате сдирала с меня когтистыми пальцами домашнюю одежду и родной запах отдалялся от меня. К горлу подкатил ком, но голоса кричать не было, лицо покраснело и слёзы залили щёки. Когда всё кончилось и на меня было надето нечто без формы и запаха, воспитатель привычным хладнокровным движением вздёнула ворот рубашки и пригладила поверх грубого пиджака большой бесформенной робы. Наконец чужие руки отпустили меня, тело ещё находилось в оцепенении и не двигалось. Нянька бросила на изголовье кровати стопку хлорного белья и удалилась. Все кончено, они захватили меня, я здесь. Мать ждала меня в вестибюле и, притаптывая каблуками, отдала мне сумку, пакет со сладостями и деньги. В маленьком потёртом кошельке из коричневой кожи лежали мятые три рубля по одной купюре.

– Ну все, пиши, – сказала она и быстро скрылась за дверь.

Внутри все оборвалось «...она не знает... не понимает, я напишу и она приедет, мне здесь нельзя» Головная боль сдавила череп. Я вернулась в палату и села на кровать. Стало невыносимо. Слёзы снова заливали лицо, щёки горели. В палату вошла хлорная нянька и когтистые пальцы снова вцепились в плечо.

– Ах ты, дрянь, нечего сидеть на чужой кровати. У нас на кроватях сидеть нельзя, а то в изолятор пойдёшь.

Она схватила меня за руку и дёрнула, я упала. Костяшки железных пальцев зарылись в волосы, я закричала. Она быстро тряхнула меня, держа за волосы и хлёстко ударила меня по щеке. Вошла воспитатель.

– Истерика, – сказала нянька, поднимая мои вещи.

Мы вошли в палату и она отпустила меня. Я долго ещё чувствовала ее шершавые руки на своей шее. Она толкнула меня к кровати, на которой по-прежнему лежало вонючее серое бельё. Ведьма откинула покрывало и хаотичными движениями стала всё перетряхивать.

– Не пойдёшь в столовую, пока не научишься застилать кровать.

– А ты, – повернулась она к кому-то в самом углу, – скажешь хоть полслова, месяц мыть тебя не буду, сгниёшь заживо.

Она деловито открыла мою сумку и пошарила рукой. Затем подняла пакет со сладостями и заглянула.

– Конфеты с ликёром нельзя, с черносливом тоже, а то загадишь тут всё, а мне отмывать. Наконец она вышла.

– У нас есть «сладкий стол» – сладости хранить, – воспитатель осматривала содержимое моих вещей.

– Ну ничего, на День Нептуна мороженое дают.

Шум в коридоре, дети вернулись с обеда.

– Через десять минут все должны быть в кроватях, приду проверить. – А ты, что не застилаешь, накажу.

– Я не умею.

– Учись, десять минут, как и всем, иначе уйдёшь в изолятор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.